

виях тактически перекраивают старые образы. Границы нормализации меняются, и вот мы уже узнаем знакомую фигуру монстра в националистических и неофашистских дискурсах, которые стремятся поместить новых субъектов – мигрантов, гастарбайтеров, беженцев – в область «ненормальных». В современных националистических дискурсах мигрант – это, по сути, ненормальный опасный монстр, «дикий человек». Возникает новый порог, который к правовой дисквалификации иммигранта добавляет «культурную». Он якобы еще и «культурно», «психологически» ненормален, дик. Также, в силу тех же процессов нормализующей власти, возникает и связь мигрант – преступник. Если воображение эпохи революции даже собаку превращало в человека, то в нашу эпоху – темную эпоху контрреволюции – мы наблюдаем прямо противоположный процесс²¹.

²¹ Вспомним, например, перформансы «человека-собаки» Олега Кулика. Этот образ – своего рода «Шариков наоборот» и по своей символической эффективности составляет симметричную пару к образу Булгакова.

Эдуард Надточий

Ребята и цыплята

(место животного элемента в целибатной машине
«Веселой семейки»)

Одна из бросающихся в глаза черт многих произведений Николая Носова – его одержимость техническими приспособлениями. Ими переполнены все книги о Незнайке, причем автор входит в конкретные детали, вплоть до описания двигателя, работающего на газированной воде и сиропе, или суперпылесоса (не говоря уже о космическом корабле). С другой стороны, не менее подробно входит Носов в детали сельскохозяйственной работы, и описание им машин, созданных для этой деятельности, показывает, насколько тема близка его сердцу и уму.

Биология в ее хозяйственном аспекте и техника – две страсти, свойственные не только данному автору, но и советскому воображаемому вообще. Биологически-органические метафоры, соединяемые с техническими фантазмами, – важнейшая особенность и классического сталинского дискурса, и советского дискурса. Но, разумеется, такой органицистский техницизм выходит за рамки собственно советского воображаемого. Уже у Федорова можно найти те черты, которые характеризуют повести Носова: и фигуру «незнайки», или дилетанта, противостоящего знайкам способностью более широкого охвата перспективы социальной жизни, и одержимость техникой, и толкование науки как умелого применения техники к органическим процессам, и особую сосре-

доточенность на проблемах сельского хозяйства. И опять-же у Федорова можно видеть, что все эти техноорганические преобразования природы сконцентрированы на проблемах социальной организации, на формировании идеального коллектива, преодолевающего проблемы пола. Размножение посредством копуляции, напомины, заменяется у Федорова глобальным техническим преобразованием природы и создающимся в его ходим – стерильным, внеполовым – коллективизмом. По сути не знающий смерти мир коротышек – это один из возможных путей реализации федоровской утопии всемирно-вселенского братства.

С этой точки зрения достаточно любопытно рассмотреть написанную в 1949 году повесть Носова «Веселая семейка». Повесть описывает реалии 1949 года, в частности раздельное обучение (в повести дана только мужская школа, девочки-сестрички отсутствуют). Фабула данной повести – создание инкубатора, в котором сначала два школьника, а затем и весь класс выводит цыплят. Кроме самих школьников в повести присутствуют их семьи, причем только матери (отец одного из героев дан лишь в коротком эпизоде), и учителя, среди которых тоже преимущественно женщины и только один учитель-мужчина. Присутствуют также младшая сестра одного из двух главных героев и двое колхозников – женщина и мужчина, причем и здесь мужчина играет эпизодическую роль, а женщина – центральную. Иными словами, роль мужчины-отца и семейная структура в нуклеарном смысле адиального треугольника в повести не представлены и не значимы.

Зато проблематика порождения жизни – главная в данном произведении. Порождения жизни в буквальном смысле ab ovo. Напомню, что в те годы тема самозарождения жизни была одной из самых популярных. А.И. Опарин и О.Б. Лепешинская – медийные фигуры наряду с самим Лысенко, также адептом имманентной и субстанциальной витальности.

Повесть открывается катастрофой с паровой машиной. Два друга-школьника средних классов теряют неудачу при попытке построить паровую машину из консервной банки, один из них получает даже ожог. Мать одного из главных героев налагает запрет на все дальнейшие эксперименты с паровой машиной.

Напомню, что паровая машина (модель Саади Карно) – одна из центральных мыслительных конструкций математически-эмпирической науки XIX века: с ней связаны формулировка законов термодинамики и само термодинамическое воображаемое, владеющее популярными представлениями о науке вплоть до сегодняшнего дня. Крах паровой машины, открывающий повествование, – крах одного из возможных путей познания. Изобретатели вынуждены отказаться от всех опытов, связанных с паровой машиной. То, чем они решают в результате заняться, – полная противоположность паровой машине и соответствующей ей научной модели. После того как один из них натывается на брошюру о разведении цыплят, они решают заняться постройкой инкубатора, машиной умножения теплоты, а не ее рассеивания, как в цикле Саади Карно.

Нас посвящают во все детали построения инкубатора.

Затем следует достаточно любопытная сцена появления яиц. Герои выясняют – об этом им сообщает мать одного из них, – что городские яйца не годятся. Перед нами простейшими средствами возобновляется мысль Федорова о бесплодности городской жизни и о преимуществах жизни деревенской. Интересен источник сведений о бесплодности городской жизни, и то, каким образом Носов вводит в повествование деревню. Нужна женщина-мать, чтобы узнать об этой бесплодности, та самая, которая является источником запретов и на дальнейшие опыты с паровой машиной, и на использование огня в инкубаторе. И точно так же нужна женщина – и деревня, – чтобы дать городскому организаторскому усилению возможность высвобождения жизни. Мальчики отправляются в деревню, где знакомая колхозница, к которой они летом ездят на дачу, дает необходимые им свежие яйца, только что снесенные курицей.

Итак, можно начать инкубаторный опыт. И тут выясняется целый ряд подробностей. Во-первых, поддержание стабильной температуры в ящике невозможно автоматическим путем. В этой машине необходим человеческий элемент: кто-то должен неуспешно следить за температурой, подкладывая или убирая книжки и тетради из-под лампы.

Во-вторых, ребята выясняют из своей брошюры, что в ящике нужно поддерживать влажность. Возвращается элемент пара. Но

возвращается странным образом: оказывается, в ящик с яйцами влезает лишь чашечка из детского сервиза, принадлежащего младшей сестренке одного из мальчиков, дошкольнице. Возможность использовать эту чашечку связана, впрочем, с обменом – обещанием отдать в дальнейшем одного из цыплят владелице чашечки. Это единственный раз, когда в повести встает проблема собственности. В остальных случаях все приходит даром. Если со стороны старшего женского элемента привносится запрет, то со стороны младшего привносится собственность¹.

Итак, машина, в которой необходимым элементом является человек, начинает функционировать. Все напряжение в повести создается необходимостью непрерывно поддерживать стабильную температуру. Еще одним важным элементом становится цикл. Во-первых, яйца надо регулярно переворачивать. Во-вторых, из брошюры известно, через сколько времени должны вылупиться цыплята. Календарь и часы становятся важными элементами функционирования машины. Машина эта, продолженная и расширенная за счет необходимого для ее функционирования человеческого элемента, может получить – вслед за Мамфордом – именование мегамашины.

ЦЕЛИБАТНАЯ МАШИНА

Что же это за машина? На мой взгляд, речь идет о так называемой целибатной машине. Это название придумано для концепта, разработанного членом кружка сюрреалистов М. Карружем по мотивам известной картины Дюшана «Le grand verre: la mariée mise à nu par ses célibataires, même»². Под именем целибатной машины Карруж обособил ряд машин, встречаемых в литерату-

¹ Напомню, что у Федорова собственность также происходит из влияния женщин, из их желания украшать себя.

² Carrouges M. Les machines célibataires. P: Chene, 1976 (второе издание вышедшей в начале 50-х книги). См. также каталог, выпущенный к организованной в ряде музеев Европы выставке: Jungesellenmaschinen / Les machines célibataires. Venezia: Alfineri, 1975.

ре. Ее признак – отсутствие смысла, продуцируемого изнутри и рационально, определяемого физическими законами или социальной полезностью. Как правило, это ассамбляж из невообразимых вместе элементов и скорее симулякр машины – симулируются механические эффекты и формы механики. Целибатная машина состоит из двух серий элементов: серия отношения мужского и женского, с одной стороны, и серия механических элементов, с другой. Только в своей совместной работе они образуют целибатную машину. Отношение мужского и женского как бы опосредуется двумя сериями отношений с неодушевленным техническим аппаратом, в котором каждый из элементов сексуальной серии вступает в соотношение с одним из элементов серии технической, и таким образом друг с другом взаимодействуют две перекрестные сборки серий, в каждой из которых один технический и один сексуальный элемент. В их свойства так или иначе входит опосредование реализации сексуального либидо техническим элементом (вне зависимости от того, представлен ли в двух противостоящих сериях мужской или женский элемент, один из противоположных полов может вовсе отсутствовать в сборке). Именно в силу отсутствия возможности прямого отношения и контакта мужского и женского в таких сборках они и именуется «целибатными» машинами. Вместе с тем Дюшан – а за ним и Карруж – говорит и о «ментальном ландшафте» применительно к подобным сборкам.

Машины характеризуются:

- сложной сетью социальных стратификаций и иерархий, системой подчинений;
- наличием господина машины, воплощающего суверенную власть по ее конструированию и принятию решений о способах ее использования;
- обязательным наличием инстанции наблюдателя, и не только в ближайшей перспективе данной конфигурации распределения антропологических и механических элементов, но и в перспективе временной;

Эти две перспективы – на деле лишь элементы, или фасетные сегменты, единой генеалогии самого ментального ландшафта, об-

единающей смерть и сексуальность. Карруж связывает эту генеалогию с греческим космогенезом, с архетипической генеалогией, когда старое поколение «отцов» пытается уничтожить новое поколение «детей», проглатывая их. Именно в этом контексте он прибегает к греческой народной и философской этимологии «хроноса», времени как связанного с Кроносом, верховным титаном, пожирившим своих детей и низвергнутым Зевсом. Часы и коса (в знаменитом рассказе По) – отголосок этого древнего уравнения.

ЮННАТСКИЙ ИНКУБАТОР КАК ЦЕЛИБАТНАЯ МАШИНА

Теперь посмотрим с этой точки зрения на юннатский инкубатор.

1. Инкубаторная машина характеризуется сложной связью множественных социальных иерархий. Как уже отмечалось, для ее функционирования необходимо непрерывное и изнуряющее напряжение сил человеческого элемента: кто-то должен постоянно следить за температурой и подставлять под лампу книжки или убирать их из-под нее, а также переворачивать яйца. Введение этого фактора в функционирование инкубаторной машины создает непрерывно расширяющуюся иерархическую социальную систему вокруг инкубатора. Первоначально это два инициатора, дежурящие по очереди. Но поскольку они ходят в школу, а прогуливание таковой – нарушение более общих дисциплинарных режимов, невозможное в идеальной социальной машине, как она дана в советской литературе, то кто-то должен дежурить днем, во время уроков. Вовлекается младшая сестра одного из инициаторов. Напомню, что ее вовлечение произошло на ранних стадиях, когда понадобился миниатюрный резервуар для воды в инкубаторе. За это девочке был обещан потенциальный цыпленок в единоличное пользование. Поэтому ее участие в слежении за инкубатором – лишь следствие изначальной вовлеченности в выстраивание социальной иерархии. Но круглосуточное слежение за температурой также означает, что один из инициаторов не должен спать, а это приво-

дит к изнурению, организации сменных ночных дежурств и к дальнейшим проблемам в большой социальной иерархии: ребята спят на уроках, рассеянны, слабо готовятся к занятиям и плохо усваивают материал. Кроме того, наличие тайны, о которой они сообщили лишь одному соученику, отделяет их от коллектива сверстников. Они превращаются в париев в этой большой социальной машине: над ними постоянно надсмехаются товарищи и их третируют учителя. Лишь последующее открытие тайны товарищам возвращает инициаторам их общественный статус – в обмен на допуск всего коллектива учеников (а в дальнейшем и учительницы) к участию в функционировании инкубатора. Иерархия большой социальной организации (совет пионерского отряда и т.п.) образует сложное пересечение с работой инкубаторной машины. Возникает новая структура, завязанная на слежении за инкубатором, в которой инициаторы вытесняются на периферию, но зато возвращают себе статус учеников, пионеров и товарищей. Отдельным элементом этой иерархии является сила закона матерей, позволяющих или запрещающих – по типу реле – предпринимать те или иные действия. Еще одна иерархическая структура образуется между городскими и сельскими жителями, ибо городская сила не является самостоятельной и продуктивной: в решающих случаях приходится обращаться к деревенским жителям – колхознице, давшей свежие яйца, и колхознику, подарившему овес на пророс. Все это создает сложную – объемную и многоуровневую – иерархическую структуру.

2. Вторым признаком целибатной машины является наличие суверенного господина, определяющего способ ее использования. Если первоначально таковым был один из инициаторов – собственно, тот, кто придумал идею (Мишва), – то затем побеждает суверенность коллективного тела, пионерского отряда. Мы наблюдаем как бы суверенность открытого типа, потенциально бесконечно разрастающуюся, ибо даже присоединение всего класса не замыкает систему: в дальнейшем она расширяется за счет учительницы биологии, дающей важные советы и оказывающей решающее влияние на принятие окончательного решения о судьбе цыплят.

3. Третьим признаком целибатной машины является наличие наблюдателя в отношении как сборки непосредственного ма-

шинно-человеческого диспозитива, так и временной разметки работы такого агрегата. Наблюдатель в данном случае – уже составная деталь машины, он не вынесен ее работе, но выступает ее необходимым элементом: у машины нет внешнего наблюдателя, всякий внешний наблюдатель, переходящий порог тайны, окружающей работу машины, сразу вовлекается в нее и становится ее элементом. Повествование построено как рассказ одного из инициаторов в форме записей в дневник. Статус наблюдателя закрепляется за ним и потому, что он – художник и первоначально не дежурит по ночам, а лишь рисует после уроков спящего – отсыпавшегося – товарища. Эти рисунки, погав в школу, и запускают процесс постепенного превращения инициаторов в парий коллектива: они начинают подвергаться насмешкам как сонни. Иными словами, статус абсолютного наблюдателя, даваемый рисунком, репрезентативное удвоение сущего, в рисунке заключенное, разрушает связь локальной целибатной машины с более общей – глобальной – иерархией, и лишь дальнейшее выяснение товарищами причин сонного состояния Кольки и Мишки разрешает возникший конфликт. Но, разумеется, наблюдатель здесь имеет отношение не только к конкретному диспозитиву, но и к временной антиципации: ведь главная интрига – борьба со временем и силами смерти, надо регулярно переворачивать яйца и следить за температурой. Кроме того, машина увлечена в абсолютное циклическое будущее: по прошествии цикла – если силы смерти будут побеждены и наблюдение окажется исправным, появятся цыплята.

4. Разумеется, можно зафиксировать и такую черту целибатной машины, как ее бессмысленность и исключенность из порядка пользы. В введении цыплят нет никакого практического смысла, и первоначально идее инициаторов удивляются, предлагая им живых цыплят, которых легко купить в городе. Цель выведения цыплят – в функционировании самой целибатной машины; это один из элементов, симулирующий продуктивность и дающий формат цикла функционированию машины.

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ

Необходимо, однако, более подробно остановиться на либидинозной экономии носовой целибатной машины. Итак, прежде всего напомним, что исходный формат большой социальной иерархии – школы раздельного обучения. Перед нами мужской класс, и девочки (для этого введена младшая сестра одного из инициаторов) третируются как нечто никчемное: никаких сверстниц, и никакого упоминания о женских школах. Сдержанная мужская дружба, товарищество. У этого товарищества есть законы, о которых непрерывно напоминают участники, – строгие законы коллективизма мужского братства. Женщины либо младше, либо старше. Интересна и ролевая немаркированность отцов. Для Карружа чрезвычайно важно отношение отцов и детей (в этом он следует Фрейд): фигура отца постоянно отъясняется им в любой анализируемой целибатной машине. Ничего подобного в целибатной машине, представленной в «Веселой семейке», не найти. Значима только мать. Лишь в одном эпизоде появляется Мишкин отец с очень характерным диалогом: он появляется вместе с матерью Мишки, когда тот начинает орать на рассказчика, впервые переворачивающего яйца по подсказке из прочитанной им книги. И если Мишкина мать подтверждает книжное знание своим авторитетом, то Мишкин отец лишь смеется, когда Мишка вспоминает, что курица действительно переворачивает яйца носом.

– А я ведь и сам видел, как наседка переворачивала яйца! – сказал наконец он. – То-то я думал, зачем она ворочает их своим носом?

Мишкин папа засмеялся.

– Эх, ты! – сказал он. – Разве у курицы нос?

– Ну клюв. Какая разница – нос или клюв?³

Указывает ли этот диалог на отдаленное присутствие фаллического закона? Нет, скорее на обратное – на отмену различия носа и клюва, на смысловую незначимость Фаллоса в функционировании целибатных машин.

³ Носов Н. Веселая семейка. – В кн.: *Его же*. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. М.: «Дет. лит.», 1968, с. 337.

Женская природа советского общества неоднократно обсуждалась в литературе, а в более широкой перспективе критика эдипального постулата является одной из важнейших посылок анализа коммунальных тел. «Веселая семейка» дает этому веское подтверждение. Инстанция закона здесь – прежде всего мать: именно мать определяет, какие машины можно создавать, а какие нельзя, какие элементы можно в них включать, а какие нет, и прежде всего мать определяет самые широкие рамки приемлемого поведения участников мужского братства. Эта материнская идентификация Закона подчеркивается и при его расширенном воспроизводстве, за пределами неполных семей. Во-первых, странное положение отведено единственной девочке в повести, младшей сестре. Дело не только в том, что отношение к девочке возможно лишь как сестринско-братское. Включение девочки в целибатную машину наделяет ее весьма специфической позицией: ей обещана собственность над будущим цыпленком! При том что законы мужского братства как бы отрицают саму идею обособленной собственности! Иными словами, мельком нам показана экономическая сторона Закона Великой Матери: лишь через женский элемент осуществляется обмен и отношения владения. В остальных сегментах обмен возможен только неэквивалентный. Это подчеркивается и следующей поразительной ситуацией: ребята получают яйца от колхозницы тети Маши бесплатно, но в конечном итоге отдают ей цыплат, т.е. имеет место отношение платы или обмена, причем тетя Маша как бы получает прибавочную стоимость от эксплуатации целибатной машины. Зато когда будущим цыплатам понадобится овес на пророс – его, естественно, также оказалось невозможным найти и купить в городе, – то колхозник, у которого удалось его обнаружить (он кормил им свою лошадь), выяснив, что овес «не для баловства», просто дарит его. Мужское братство не знает иной экономии, кроме экономии подарка.

Кстати, интересно отметить, что когда дело доходит до включения машины (через включение электрической лампочки), то оба инициатора отказываются это сделать, ссылаясь на свою неудачливость, и просят об этом Майку, младшую Мишкину сестру.

Даже включение машины – дело, которое можно доверить только женщине.

Между тем сам акт выращивания цыплат из яиц – это акт выведения на свет новой жизни (по конвенции сексуально-женский в системе, управляемой Законом Отцов). Здесь же из него исключен всякий копулятивный элемент, прямое отношение мужского и женского. Петух, напомню, упоминается лишь в начале повести как рисунок на обложке и в самом ее конце как тот, кто будет петь песни цыплатам, – происхождение яиц не обсуждается. Непорочным образом появившиеся яйца столь же непорочным образом порождают живых цыплят. Целибатное «мужское» братство играет здесь роль силы, выводящей на свет потаенное, роль элемента коллективной матери, заменяющей коммунальным способом наседку. По-прежнему перед нами Закон Великой Матери. Но интересно отметить, что яйца дает все-таки женщина, и вот это не прямое отношение «курица / женщина» образует и целибатное мужское братство, и серию, опосредованную технической серией собственно искусственных элементов целибатной машины.

Достаточно любопытно еще раз посмотреть на саму конструкцию машины. С одной стороны, мы видим яйца в коробке, в которой стоит еще и чашечка с водой, и снизу эта коробка с дырками подогревается электрической лампой. Антропологический элемент этой серии – прежде всего мужское братство, члены которого по очереди следят за температурой, убирая и подставляя книги и тетрадки под лампу. Напомню, что материнский закон запретил использовать открытый огонь. Керосиновая лампа заменена электрической, т.е. своего рода целибатной энергией, изъятый из системы четырех элементов-стихий. Сестренка одного из участников мужского братства вовлечена в него на блокирующей сексуальные отношения основе⁴; этим вводится расширенная – за пределы братства – семья, затем перерастающая в коллектив открытой суе-

⁴ В конечном итоге, когда она получает обещанного цыпленка, то со слезами быстро его возвращает назад, ибо не выносит непрерывного жалобного писка. Так происходит преодоление «женского чувства» собственности, органическое возвышение женского до мужского жертвенного братства.

ренности. Но вовлечение девочки в мужское братство говорит еще и о другом: само отношение мужского и женского не является определяющим в конструкции данной машины. Здесь не просто отсутствует фигура отца и эдипальный треугольник. Что же мы видим по другую сторону серии? Яйца открывают вторую половину уравнения: коллектив относит себя не к женщинам, а к яйцам, к телам без органов, не имеющим пола. Яйца вовлечены в иной цикл – природный. За хозяйкой яиц, хозяином овса и лошади встает фигура Природы и ментальный ландшафт под названием «деревня». «Техническую» серию, иными словами, необходимо выстраивать по линии электричество – природа. Вполне возможно, что уравнение выглядит следующим образом: коммунальный коллектив – подкладываясь книжечку под лампу / электричество – яйца. За всем этим стоит всеохватный цикл советского коммунального воображаемого, цикл «город – деревня».

В этой оппозиции деревня оказывается стороной продуктивности, стороной женской в самом древнем смысле данного слова. Тогда как город оказывается стороной стерильно-покрывающего, т.е., условно говоря, мужской, опять-таки в том древнем смысле, в каком мужским началом в Торе является Роах – божественное дыхание, носившееся над бездной творения, подобно орлице над гнездом, и согревавшее его собою. Сам город не может произвести ни яиц, ни овса, но он может дать им прорасти, мобилизовать их витальную энергию в широком контексте социальных иерархий, организовав доступ электричества к веществу природы. Здесь уже не идет речь о сексуальности в смысле распределения либидинозной энергии по разграниченным и эдипализованным телам. Город – пространство смерти: коллектив, генерирующий в нем жизнь из яиц, не способен поддержать жизнь вылупившихся цыплят. После того как один из цыплят («самый задумчивый») умирает, главные герои вынуждены отвезти цыплят обратно в деревню, к той знакомой колхознице, у которой они и взяли хранящие силы жизни яйца. Обнаруженное деревенское приволье и торжество сил жизни подвигает ребят к решению «приехать сюда летом, построить на берегу реки шалаш и жить в нем, как Робинзон».

Характерна заключительная речь, обращенная к цыплятам, выпущенным на деревенскую волю одним из главных героев:

Ну, прощай, наша веселая семейка! – сказал Мишка цыплятам. – Дышите тут воздухом, грейтесь на солнышке, закаляйте свои организмы, набирайтесь побольше сил. Живите между собой дружно, как и до сих пор жили. Помните, что вы все братья – дети одной матери... то есть тьфу! – дети одного инкубатора, в котором все вы лежали рядышком, когда были еще обыкновенными, простыми яйцами и еще не умели ни бегать, ни говорить... то есть тьфу! – ни писать... И нас тоже не забывайте, потому что это мы сделали инкубатор и, значит, это мы дали вам жизнь, которая такая хорошая и прекрасная...

Круг замыкается: яйца вернулись в деревню в виде живых цыплят. Но если ребята брали яйца, когда все еще было голо, то теперь все цветет и зеленеет. Круг воспроизводства не просто замкнул город и деревню в единое целое. Образован новый ментальный пейзаж, в котором пасторальный ландшафт связал воедино технический, человеческий и животный элементы, в котором инкубатор играет роль матери, коллектив ребят – силы, хранящей и выводящей на свет потаенное (деконструирующей фаллический закон отцов), а веселая семейка цыплят – детей-животных, обретших как речь, так и новую плоть для нового мира. Утопическое пространство райского индустриального сада, не знающего смерти, розни, либидо. Цыплята оказываются кристаллом, преобразующим федоровскую утопическую конструкцию воскрешения отцов в машину бесконечного расширенного воспроизводства коллективной витальности – самовозрождающейся, преодолевшей смерть и господство Закона Отцов.